

культура

№4 (10) Апрель 2013 г.

Урала

ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ ЭРНСТА НЕИЗВЕСТНОГО

Музей одного из самых знаменитых в мире уральцев — художника и скульптора, фронтовика Великой Отечественной, кавалера ордена Красной Звезды и других боевых наград Эрнста Неизвестного открыт на его родине — в Екатеринбурге

Фоторепортаж о знаковом для области и всей страны событии — на стр. 4—5

«Старый Дом» первой свежести

Разные есть театры – репертуарные и антрепризные, музыкальные и драматические, «взрослые» и детские, профессиональные и любительские... Какое определение дать студенческому театру «Старый Дом»? По формату – репертуарный, по статусу – любительский, а по качеству «продукта», то есть спектаклей, – способный встать в один ряд со многими профессиональными. Коллектив «Драматической студии», созданной в 1961 году режиссером Валентином Ткачом, превратился в серьезный театр с богатой афишей. 45 лет, и эта дата как раз в 2013 году, театром руководит режиссер, выпускник той самой «Драматической студии», заслуженный работник культуры РФ Николай Стуликов. Его кредо: одна из главных задач любительского театра – делать творчески счастливыми всех членов труппы. Театру нужен каждый, кому нужен этот театр. И, судя по тому, что большинство в труппе давно уже не студенты, они действительно счастливы в своей самореализации и этот театр действительно им нужен.

«За круглым столом», но не для читки пьесы, а чтобы поговорить о любимом деле, собрались художественный руководитель «Старого Дома» и его ведущие актеры, для которых нынешний год также знаковый: они отмечают круглые и «полукруглые» даты (от десяти до 35 лет) своего сценического стажа.

О СВОЕМ ТЕАТРЕ

Николай Стуликов: Есть формула, которой я придерживаюсь: студенческий театр – это театр студентов и театр для студентов. Это дает некую свободу – «нижняя» возрастная планка члена труппы 17 лет, а «верхняя» – не ограничена, на данный момент это 52 года. Наша модель – это единение студента-первокурсника и профессора, который несет мудрость и опыт, передающиеся как молодому поколению актеров, так и зрителю.

Александр Лекер (в театре 35 лет): Думаю, не многие актеры в любительских театрах могут похвастаться таким стажем. К сцене

я стремился еще со школы, вел там разные конкурсы, праздники, играл в спектаклях. Потом прошел здесь прослушивание и остался играть, учась параллельно в медицинском институте. Совмещать было тяжело, но я сцену не бросил. Без этого уже не могу. Сюда все время молодежь приходит. Общаешься с ними и сам молодеешь. Подзаряжаешься их энергией, задором. Театр мне помогал «держаться на плаву» даже в самые трудные времена, был для меня отдушиной. Это половинка моей души. На самом деле, для нас не важно, любительский театр или нет, – играем, отдавая все, что можем. Кстати, некоторые нынешние

профессиональные актеры «взяли старт» в нашем театре. Мне же заниматься актерством профессионально никогда не хотелось. Думаю, для этого нужно быть «суперталантом». Я себя к таковому не причисляю. Что могу – отдаю.

Андрей Ким (в театре 30 лет): В «Старый Дом» я попал по приглашению: предложили пройти прослушивание. Прошел. Но момент сознательного выбора наступил, когда я увидел спектакль «Сегодня ночью и всегда...». Тогда все происходило в малом зале, в маленьком замкнутом пространстве, с другой атмосферой. Перед тобой, на расстоянии нескольких метров, актеры возникали, исчезали, жили – для меня это было откровение, чудо. В тот момент и понял, что надо держаться этого театра, даже если буду просто полы здесь мыть. Но дальше судьба у меня очень счастливо складывалась. Я в течение нескольких лет играл каждый год по новой роли.

Любительский театр подразумевает, что люди не получают денег за свое занятие. На жизнь они зарабатывают в другой профессии. А ведь здесь, помимо траты немалого времени, надо выкладываться и эмоционально, духовно. И если человек при таких условиях продолжает актерствовать, значит, ему это действительно нужно. У большинства людей две стороны жизни – профессиональная и личная, а у нас их три – третья как раз театр. И все они весомые. По крайней мере, у меня они гармонично сочетаются. Поэтому я счастливый человек.

Что касается самого «Старого Дома», мы словно мамонт на этой «поляне». Конечно, есть еще любительские театры в Екатеринбурге. Но мы именно группа единомышленников, горящих

остросоциальным видением мира и стремлением воплотить это видение в творчестве.

Н.С.: Можно сказать, мы «вышли, потому что не могли не выйти», как декабристы. Конечно, нас от них отличает то, что наши действия не будут иметь каких-то роковых последствий. Самое страшное, что может случиться, — зритель уйдет после антракта. Но, как говорит великий Марк Захаров, если режиссер не «трусоватый», он должен играть спектакли с антрактами. Уйдут — ну пусть уйдут. Надо правде в глаза смотреть.

А.К.: Наш театр — это некий этнос. Группа людей, разговаривающих на одном языке и по множеству признаков отличающих «своих» от «не своих». Этнос — это единый народ, и тут вопрос не возраста, не профессии, а общего языка, общих понятий.

Леонид Заболовский (в театре 25 лет): Я пришел сюда, окончив радиотехнический факультет и уже какое-то время поработав на заводе, когда понял, что вот так и пройдет жизнь... Захотелось чего-то нового. Вообще, театр — это такая иррациональная зона. Вроде с точки зрения здравого смысла занятие бессмысленное. Но именно это занятие дает ощущение полноты жизни. Это некая потребность отвлечься от будней — от семейных забот, от работы, где я вполне успешен. Если спросят, где я более успешен — на работе, в роли проектировщика-разработчика или на сцене, — не знаю, что перевесит. Но эта иррациональная часть жизни совершенно необходима. В театр возвращаются и те, кто когда-то

*Николай
СТУЛИКОВ*

уходили, — потому что это потребность души. И на мой взгляд, те, кто сейчас здесь играют, «задержались», — это коллекция удивительных людей, в которой каждый чрезвычайно интересен как личность. Именно это создает особую привлекательность нашего коллектива, хотя требуются колоссальные усилия, чтобы этот организм сохранить. И это удастся, конечно, только благодаря уникальной личности нашего худрука Николая Александровича Стуликова. Он делает работу, запредельную по усилиям. Не перестаю удивляться, как он проходит любые испытания.

Любительский театр или профессиональный — на самом деле для зрителя не главное. Имеет

значение, захватываешь ты внимание зрителя или он скучает. И то и другое может быть в любом театре. Я думаю, мы вполне успешны и в культурном пространстве города занимаем свою нишу. Вполне достойную.

Алексей Ворожцов (в театре 15 лет): Когда состоялась премьера нашего «Ревизора», многие спрашивали: «А откуда столько возрастных актеров?» Ответ прост. Студент когда-то пришел в театр, начал играть. Но вот институт окончен, и что? Если человеку нравится, он и продолжает работать на сцене — два года, четыре, шесть, десять... Так и я не вижу свою жизнь без этого театра. Это и удовольствие, и энергетическая подпитка, и духовный рост.

Александр ЛЕКЕР и Леонид ЗАБОЛОВСКИЙ

Андрей КИМ

Алексей ВОРОЖЦОВ

Ульяна ПАВЛОВА

Ульяна Павлова (в театре де-сять лет): Попала я сюда случайно — пришла за компанию с другом, который в итоге не остался, а я осталась. В каком-то смысле была готова к этому: все детство провела в театральных кружках. Изначально брать меня не хотели, потому что еще училась в школе. А театр студенческий, и принимают сюда с определенного возраста. Но мне повезло, приняли все-таки. Как и всех новичков нашего «прихода», сразу начали вводить в спектакли, давать роли, поэтому многие остались надолго, как и я. Наш театр — классический, и это, на мой взгляд, замечательно. Классика — это мое. Кроме того, здесь можно научиться всему, потому что сам шьешь костюмы, сам ставишь свет, «сидишь» на звуке. Порой можешь быть, например, билетером... Я думаю, наш «Старый Дом» — это большой жизненный урок во всех смыслах.

О ГОГОЛЕ И «РЕВИЗОРЕ»

Н.С.: Как в поэзии Пушкин — наше все, так для меня Гоголь — наше все в драматургии. «Диалог» с Гоголем начался с небольшой «пробы пера» в 1999 году. Поставили «тренировочный» спектакль для новичков, который так и назывался «Проба пера», в нем игрались фрагменты из разных пьес. Такой своеобразный сборник эскизов. Вот тогда сыграли 15-минутный фрагмент из «Ревизора». И — получилось. Зритель так смеялся! А все «Ревизоры», которых я видел, были скучными и совсем не смешными. Но до «Ревизора» сегодняшнего мы дошли не сразу. Ясно, что есть в Гоголе русское, национальное, природное (то, чего нет у Мольера, например). Зритель реагирует иначе, гораздо более резонансно. Это мы особо почувствовали, когда поставили «Женитьбу» в 2006-м, затем, через два года, «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». После этих успешных постановок стало понятно, что дозрели и до своей трактовки «Ревизора». Говоря о классике, нужно понимать, что она бездонна и всегда можно найти свои «ходы». Мы работали над спектаклем четыре года и пока-

зали его в апреле 2012 года, к фестивалю «Весна УПИ».

Чтобы спектакль состоялся, надо решить уравнение с несколькими неизвестными. Во-первых, сама драматургия должна быть хорошей, во-вторых, содержание — актуальным, в-третьих, должно быть «совпадение» актеров и их ролей. Могу с радостью и гордостью сказать, что «Ревизор» оказался удачным — за время премьеры зал аплодировал 20 раз (наши специально посчитали)! Сколько смеялись — даже не сосчитать. Привожу как оценку параметр смеха, потому что мы имеем дело с потенциально комическим. А так как у Гоголя речь идет о комическом в самом глубоком смысле этого слова, то, если смех не звучит, значит, это неудача, фиаско. Но у нас получилось.

А.Л.: Успех «Ревизора» — это огромная заслуга режиссера. У него своя трактовка, свое видение. Кроме того, виртуозное распределение ролей. Ну и игра актеров, естественно. Накопленный опыт, отточенные годами сценические навыки помогают сыграть все «выпуклые» черты персонажа. И еще: этот спектакль сегодня переключается с современностью: ревизор, коррупция, взятки...

А.К.: Николай Александрович полностью перевернул классическую, привычную со школы трактовку и донес это до зрителя. Надо понимать, что хороший актер может хорошо играть и при бездарной режиссуре. А вот хорошая режиссура — это всегда открытие. Это удивительный дар.

А.В.: Может, со стороны это покажется странным — не прибегая к крайностям, сыграть что-то «наоборот». Что значит «обратная трактовка»? Наверное, могут подумать: они что, ходят на головах? Нет, по форме у нас все очень классично. А по смыслу как бы вывернуто наизнанку. Впрочем, объяснить на словах невозможно, это нужно видеть. Скажу только, что зрители понимают и принимают нашу трактовку.

О ЗРИТЕЛЕ

Н.С.: Зритель, который ходит на наши спектакли, — наш второй полюс. Без зрителя театра нет. Но

всегда надо помнить, что зрителю нужна «осетрина только первой свежести».

А.К.: Театр — это искусство, в котором есть что-то волшебное и необъяснимое. Он, в отличие от кино, живой. И его непременная составляющая — некая живая энергия, идущая от актера к зрителю. Когда зритель ловит эти флюиды, он благодарен актеру. Актер в свою очередь чувствует это и отдает еще больше энергии. Это постоянный обмен энергией.

Л.З.: Да, мы имеем зрительский успех. Хотя, по нашему статусу, можем не суетиться, нам не нужно зарабатывать спектаклями. И в этом, если хотите, наше преимущество. Только будучи свободным от финансовой зависимости, театр может подняться на какие-то высоты, не пытаясь угодить. Не должно быть искусство на «хозрасчете».

О РЕПЕРТУАРЕ И РОЛЯХ

Н.С.: В «Старом Доме» много комических спектаклей. Потому что, как выяснилось, мы умеем их делать. Комическое — это жанр. Это вид искусства. Это глубокие вещи, такие же, как трагедия и драма. Тем не менее не замыкаемся на этом. Потому что все должно быть адекватно. Пища должна быть разнообразной, и сладенькое, и кисленькое. Вот «Концерт по заявкам» Крёца — моноспектакль, заканчивающийся самоубийством одинокой женщины, — там ничего смешного нет. Или «Вешние воды» Тургенева — мелодрама, величайшее произведение, — зритель плачет. Так же как и в «Сегодня ночью и всегда...» Марцинкявичюса или в «Испытании» Быкова — произведениях о войне.

Любимых спектаклей у меня нет, они мне все как дети. Но можно выделить по каким-то параметрам. Например, по количеству сыгранных у нас абсолютный рекордсмен «Кентервильское привидение» Уайльда. Иногда мы его играли по два раза за вечер. В силу обстоятельств играем не очень часто, зато каждый спектакль — это событие и для труппы, и для зрителей.

А.Л.: Первую роль, второго плана, я получил в спектакле «...Забить Герострата!» Горина (с этим спектаклем в 1977 году театр стал лауреатом I Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества). Постепенно «дорос» до главных ролей. Хотя так или иначе я принимаю участие во всех спектаклях, которые есть в репертуаре. Конечно, как и сам театр, тяготею к комедии. Но и драматические образы люблю. В «Испытании» белорусского партизана играл — это драматическая роль. Из самых любимых работ — Кочкарев в «Женитьбе» Гоголя и маркиз д'Орсиньи в «Мольере» Булгакова.

А.К.: Думаю, что наш репертуар — элитный. Это классика: Тургенев, Мольер, Булгаков, Чехов, Зощенко, Гоголь, Уайльд... Если перечислить профессиональному актеру всех авторов, в постановках пьес которых я играл, он, вероятно, даже позавидует. Но мы же любительский театр, можем позволить себе такое разнообразие. Я помню все свои роли. Могу сейчас сыграть любую с любого места.

Л.З.: Многие спектакли, которые уже ушли из репертуара, я бы все еще играл. Те же «Вешние воды», «Метеор» Дюрренматта. Очень жаль, что мои дети не успели посмотреть «Кентервильское привидение». В новом зале восстановить его очень сложно. Здесь вообще было непросто адаптироваться. Но мы справились и вышли на новые

спектакли. Они совершенно другие по сравнению с 90-ми. Хотя формула, на которой у нас все построено, осталась: «максимум разнообразия в рамках присущего». У меня нет предпочтений, что играть. Все интересно. Я люблю «пошалить» на сцене. Актер должен оставаться в душе ребенком. Если у него эта «детскость» не сохраняется, а это то, что объединяет нас с «молодняком», то наступает профессиональное выгорание. Кураж должен быть.

У.П.: У меня почти все роли сатирические, и именно поэтому я их люблю. Первой была нянька Рене в «Мольере». Старуха. Сутулая, с трясующимися руками. А мне ведь было всего 16 лет. Но это не помешало. Меня загримировали, одели в нечто непонятное. Друзья даже не узнали. Безумно нравится маленькая роль Дамочки в «Веселой жизни» Зощенко, хотя у меня там всего одна реплика. Я влюблена в свою Феклу Ивановну в «Женитьбе» — мы «росли» с ней вместе в этом спектакле, и, говорят, роль получилась. От спектакля к спектаклю постоянно работаешь над собой и своими ошибками, разбираешь каждую реплику. Мне кажется, у меня «суперские» роли, маленькие, но важные для спектакля в целом.

О РЕЖИССЕРЕ

А.Л.: Театр для Стуликова — это, конечно, не работа. Это его жизнь. Режиссеру необходимо доверять. На 100 процентов. Порой даже сле-

по доверять. С ним у нас так и происходит. Он видит все в комплексе, весь механизм. А мы часть этого механизма.

А.К.: Репертуарный театр строится на личности. На личности художника. Как в нашем случае. И здесь нет разницы — любительский это театр или профессиональный. Я работаю с Николаем Александровичем уже больше 30 лет. И надо сказать, что в лице Стуликова мы имеем талантливого мастера, режиссера, каждый спектакль которого — путь к открытию. Наш режиссер — это удивительный «фонтан идей».

Л.З.: Стуликов — из немногих режиссеров, в совершенстве владеющих жанром комедии, пожалуй, самым сложным жанром. Актер может не иметь специального образования. А вот режиссер обязательно должен быть профессионалом. И тогда он «вылепит» актера — независимо от образования последнего. Можно любить театр, можно не любить, принимать его эстетику или не принимать, но никто никогда не скажет, что Стуликов ставит свои спектакли вне поля художественности. Учитывая нашу независимость от заработков, мы можем себе позволить ориентироваться только на художественные критерии, что и делаем.

...Николай Стуликов на вопрос, как он это делает, пожимая плечами, отвечает: «Это тайна творчества. Порой и для меня самого тайна. Это объяснить невозможно».